

ЛАРИСА ПЕТРОВИЧЕВА

**АКАДЕМИЯ
ПОД УДАРОМ**

**МОСКВА
2022**

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
П30

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

Иллюстрация на переплете *А. Флер*

Петровичева, Лариса Константиновна.

П30 Академия под ударом / Лариса Петровичева. —
Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Академия Магии).

ISBN 978-5-04-111851-8

Если девушка выставила на окно цветок сластолиста, значит, в дом пришла беда — жить совсем не на что.

Но явившийся к недавно осиротевшей дочери генерала Леклера Оберон Ренар почувал дух не только беды, но и преступления. Декан факультета темной магии привык сражаться с порождениями зла. Кто и почему так упорно преследует хрупкую и на первый взгляд совершенно безобидную генеральскую дочь? Он еще не знает, что попытка спасти девушку поставит под удар всю Академию магии. Какие загадки ждут героев в заваленной хламом кладовке? Перестанет ли хохотать над победителем нечисти ползучая живая тьма в зеркалах?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Петровичева Л.К., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-111851-8

Глава 1

ТАЙНА ЭЛИЗЫ ЛЕКЛЕР

В дом пришла беда.

Оберон в этом убедился, когда заплаканная служанка приняла у него пальто и предложила пройти в богато обставленную гостиную.

— Миледи Элиза сейчас спустится, — всхлипнула она, отерла лицо ладонью. Оберон понимающе кивнул.

Когда девушка из благородной семьи выставляет на окно горшок с цветущим сластолистом, это значит лишь одно: семья разорена и девушка готова пойти в содержанки, чтобы расплатиться с долгами. Неудивительно, что в доме плачут.

Оберон прошел в гостиную, сел на диван, обтянутый дорогим цветастым шелком, поворошил журнал, оставленный на столике. Подумал, не достать ли сигару, но решил, что это будет дерзостью.

Люди и без этого переживают, не стоит их задевать лишний раз.

Генерал Леклер, темноволосый и узколицый, угрюмо смотрел на него с портрета. Нарисованные глаза казались живыми, обжигающими незваного, но полезного гостя. Из газет Оберон знал, что ме-

сяц назад генерал проиграл в карты и свое, и чужое имущество и застрелился. Единственная дочь осталась одна, и дела ее были плохи.

Деньги, деньги, проклятые деньги! Все снова упирается в них! Сколько банковских стервятников уже успели вцепиться в юную Леклер? Сколько кредиторов ломятся в эти двери?

Элиза не торопилась — прихорашивалась, должно быть, чтобы предстать перед покупателем во всем очаровании и свежести своей юности. Оберон расслабленно откинулся на спинку дивана и подумал, что страшно устал. Два часа назад он вернулся из поездки в Заболотье, заехал в Министерство магии, сдал добычу и собирался потом вернуться домой и просыпаться только для того, чтобы стрелять в тех, кто вознамерится его разбудить.

Но дом генерала Леклера был по соседству с министерством, Оберон увидел в окне горшок со сластолистом, и ноги сами повели его к парадному подъезду.

Помнится, его куратор говорил: «Ты, Ренар, и до нужника сходить не можешь, чтобы не найти приключений на свой тощий зад. Везде-то ты их находишь, прямо удивительно!»

— Милорд.

Он встрепенулся, обернулся. Элиза Леклер в простеньком светлом платье спустилась со второго этажа, стояла у лестницы, испытующе глядя на Оберона. «Вот он, тот человек, который меня купит, который решит все мои проблемы» — Оберон не умел читать мысли, но не нужно было магии, чтобы понять, о чем сейчас думает Элиза.

Он поднялся с дивана, поклонился, представился:

— Оберон Ренар, к вашим услугам.

— Я знаю, кто вы, — едва слышно прошелестела Элиза. Прошла к креслу, села — тоненькая, прямая, как натянутая струнка. Коснись пальцем — будет звон.

Но за этой хрупкостью Оберон почувствовал силу и независимость, такую странную в нынешней ситуации. Юная Леклер была не так проста, как могло показаться с первого взгляда.

«Хорошенькая, — подумал Оберон. — Даже нет, красавица». Пышные каштановые волосы падали на плечи и спину кудрявыми волнами, маленькое светлокожее лицо с изящными чертами было бледным и усталым, большие каре-зеленые глаза смотрели на Оберона с глубоко спрятанным отчаянием. Пуховка с пудрой убрала следы слез, но Оберон знал, что девушка плакала.

На мгновение его кольнуло жалостью.

Элиза Леклер сражалась за свою жизнь и честь. Потерпела поражение.

Оберон был победителем, на милость которого она сдавалась.

— Я увидел сластолист в окне, — начал Оберон и понял, что не знает, как дальше вести беседу. Ему еще не приходилось покупать невинных девушек из разорившихся благородных семейств. Элиза кивнула и заговорила быстро-быстро, словно боялась, что ее перебыют или она забудет заученный текст:

— Мой отец покончил с собой, проиграв все имущество. Я полностью разорена, я на грани от-

чаяния. Этот дом уже не мой, по большому счету, через неделю его заберут. Я нахожусь в самых пугающих обстоятельствах. Этот месяц я бьюсь, пытаюсь найти работу, пока устроилась лишь переводчицей в журнал, но этого ничтожно мало, чтобы хоть как-то жить. И я... я действительно ищу мужчину, который... — она сделала паузу, пытаюсь обуздать волнение, и закончила шепотом: — решит мои проблемы.

Оберон понимающе кивнул. Идти в содержанки — давняя традиция среди благородных, но обедневших барышень, которая позволяет сладко жить, крепко спать и не беспокоиться о том, что завтра ты окажешься в съемной каморке на чердаке под одним одеялом с крысами. И это Элиза еще пробовала где-то работать, взялась за переводы! Обычно девушки из благородных семей сразу идут по простому пути.

Он невольно почувствовал уважение.

— Хорошо, — кивнул Оберон. — Я готов решить ваши проблемы. Дам денег столько, что заткну рот всей столице. Согласны?

Элиза испуганно посмотрела на него. Кивнула. Подумала, что расплатиться за доброту придется уже сегодня, и эта мысль внушила ей ужас.

Оберон не обольщался на собственный счет — он, в конце концов, видел себя в зеркале. Тяжелое скуластое лицо с острым носом, ожог от плевка болотницы на шее — да, не красавец. Зато у него есть деньги, и много. Декану факультета темной магии их, в общем-то, некуда тратить, он живет на полном государственном обеспечении.

— Согласна, — прошептала она. Оберон улыбнулся и сказал:

— Вот и замечательно. Тогда раздевайтесь.

Элиза посмотрела на него так, словно он ее ударил. К щекам прилил румянец, в глазах засверкали слезы, и за удивлением мелькнули презрение и ненависть. Оберон подумал: это именно то, что нужно.

Она дала бы ему пощечину, если бы могла.

— Как вы смеете? — голос тотчас же сделался звонким, дрожащим. — Как вы...

Оберон устало вздохнул.

— Будем называть вещи своими именами, миледи Элиза, — ответил он. — Выставив горшок со сластолистом, вы стали товаром. Я этот товар купил и теперь хочу осмотреть то, за что заплатил серьезные деньги. Триста тысяч золотых крон, если быть точным.

Элиза побледнела. За триста тысяч золотых крон можно было купить два таких дома и дюжину таких девушек.

— Раздевайтесь, — повторил Оберон. Лицо Элизы дрогнуло, девушка сделалась слабой и жалкой.

— Здесь? — прошептала она. Оберон кивнул, чувствуя, что в эту минуту она сдалась окончательно. Просто устала бороться с судьбой и опустила руки.

Элиза шмыгнула носом. «Почему твой папаша, хренов игрок, оказался настолько глуп, что не подумал о том, что с тобой случится?» — подумал Оберон. Он отвел взгляд — лишь видел краем глаза, как Элиза начала раздеваться: медленно-медленно, словно ее тянули за веревочки.

— Подойдите, миледи, — с максимальным уважением произнес Оберон, когда девушка осталась в сорочке и коротких панталонах. Элиза едва слышно вздохнула, послушно подошла к нему — идеальная фарфоровая куколка, которая будет такой же кукольно послушной, у которой нет другого выхода. От девушки пахло легкими духами — дорогими, насколько мог судить Оберон, — мылом, а сильнее всего страхом.

Оберон дотронулся до ее колена — белого, ледяного — и медленно повел ладонью вверх по внутренней стороне бедра, чувствуя, как по пальцам щелкает ток. Элиза вздрогнула и застыла, как крошечное испуганное животное, которое надеется, что охотник уйдет, если оно не будет двигаться.

Бей или беги. Если ты не можешь сделать ни того ни другого, то с тобой все кончено.

Как она вообще собиралась продавать себя с такими хрупкими нервами? Пришел бы какой-нибудь престарелый сластолюбец вроде Моргана Фрили, и ничем хорошим это бы не кончилось. Обычно потом настолько чувствительные девушки прыгают в реку.

Конечно, среди содержанок были и девицы, которые ходили с гордо поднятой головой и плевали на все сплетни и разговоры, но Элиза Леклер была не из их числа. Для подобного равнодушия она была слишком брезглива.

— Говорите, занялись переводами? — спросил Оберон. Ладонь двинулась еще выше. На мгновение им овладело густое властное желание вмять эту точеную живую статуэтку в шелк дивана, разъ-

ять, присвоить — или просто запустить пальцы в разрез панталон, прикоснуться к ней там, где сейчас пульсирует живое влажное тепло, где загорается золотой огонек магии. Даже в глазах потемнело — но Оберон сразу же опомнился, стряхивая наваждение.

Незачем. Он и так узнал все, что нужно. За похотью пришло чувство, которое охватывало хищника за мгновение до того, как зубы вгрызались в горло жертвы.

— Да, — прошептала Элиза. Слеза прочертила дорожку по щеке. — Я знаю гардалинский, наречие Малой Вольты и авесинский..

Он отвел руку, поднялся с дивана и мягко опустил ладони на плечи Элизы. Она подняла голову и посмотрела на него с невыносимой болью и надеждой.

— Умница, — улыбнулся Оберон. — Что еще ты умеешь, лисичка?

Девушка шарахнулась от него так, словно Оберон ее ударил. Почти вырвалась: он сумел ухватить ее за запястья, удержал, набросил тонкую сеточку заклинания, которое усмиряло оборотней. Глаза Элизы сверкнули нервным большим блеском, а потом заклинание сработало, и она опустила голову.

— Что теперь? — услышал Оберон едва различимый шепот. — Убьете меня?

Он не удивился. Чего еще ждать лисице-оборотню от декана факультета темной магии, которому по долгу службы полагается уничтожать таких, как она, и учить этому своих студентов. Оберон всмо-

трелся в серебристую дымку чужой ауры: не обращивалась ни разу — вот и замечательно. Папаша-генерал был, конечно, дурак, но вживил в дочку нитку заклинания, которая удерживает ее в человеческом виде даже в полнолуние.

Вон она, эта нитка. Змеится по самому краю ауры, почти незаметно.

— Нет, — ласково сказал Оберон. Он позволил себе еще минуту насладиться теплом девичьего тела, цветочным запахом, что поднимался от волос, тонкими очертаниями белых плеч — позволил и отстранил Элизу, сел обратно на диван. — Одевайтесь, миледи, у вас тут не очень-то тепло.

Снова зашуршало платье. Оберон откинулся на спинку дивана и устало закрыл глаза.

Девушка-оборотень из благородного семейства, которую он, судя по всему, не сможет не купить. Прекрасное завершение каникул.

— Оpoznать оборотня можно двумя способами, — произнес Оберон. Его немилосердно клонило в сон от усталости: последние дни лета были полны забот и трудов. — Внутренняя сторона правого бедра всегда отзывается легким ударом тока на прикосновение с заклинанием. Именно поэтому я велел вам раздеться, миледи. Не потому, что хотел облапать поскорее.

Оберон машинально задал себе вопрос, сколько лет у него не было женщины. Кажется, четыре года. Нет, все-таки три — он вспомнил один случай и ухмыльнулся.

— А второй способ? — Он услышал шаги, легкий скрип кресла: Элиза переделалась и села.

— А второй способ — это посыпать оборотня специальной серебряной стружкой. — Оберон открыл глаза, улыбнулся. — Но у меня ее сейчас нет, всю истратил на болотах. Да не смотрите вы на меня так, я не сделаю вам ничего плохого.

Лицо Элизы нервно дрогнуло, словно девушка с трудом сдерживала слезы.

— Хотите сказать, что я могу вам верить? — спросила она, вложив в вопрос всю свою язвительность. Оберон улыбнулся.

— Можете. Я не обижу вас, Элиза. Вы ведь не оборачивались, правда?

Девушка медленно кивнула. Поднесла руку к лицу, опустила. Оберон понимал, насколько ей сейчас не по себе — понимал и искренне сочувствовал.

Хотя, конечно, сочувствие — это не то, что оборотень может получить от таких, как он.

Но долг службы у Оберона всегда подчинялся здравому смыслу. Как сейчас.

— Нет. Я не оборачивалась, — сказала Элиза. — Когда я была маленькой, отец водил меня к врачу, мне вшили нить... она не дает оборачиваться. У мамы была такая же.

Оберон понимающе кивнул. Интересный человек был генерал Леклер. Очень интересный. Женился на лисице-оборотне. Обычно такие живут в одиночестве, и люди видят в них лишь старых дев или угрюмых холостяков, даже не догадываясь, что именно эти люди скрывают под масками.

— Вот и хорошо, — произнес Оберон. — Итак. Убирайте сластолист, пока сюда не пришел еще

кто-нибудь. Я выплачу долги генерала, и вам не придется больше переживать за свое будущее.

«Но мне придется с тобой спать», — это было написано на лице Элизы. Огромными буквами. Наверно, она до сих пор чувствовала его прикосновение на коже и сгорала от стыда и другого чувства, незнакомого, но влекущего.

Оберон видел его следы в серебре чужой ауры.

Но Элиза ничего не сказала. Лишь кивнула. Сделка есть сделка, она сама предложила себя, когда поставила на подоконник горшок с цветком. Разговоры уже не нужны.

— Завтра я поеду в академию, — продолжал Оберон. — Скоро начнется учебный год, и меня ждут три курса оболтусов. Скажите служанке, чтобы собирала ваши вещи, вы поедете со мной.

Элиза вздохнула. Прикрыла глаза.

— Все правильно, — ее голос был спокойным и ровным, она смирилась с тем, что ее тайна раскрыта, и решила, что единственный правильный путь — быть милой, послушной и ласковой. И не спорить с человеком, который выплатит все долги ее отца: он ведь может и передумать, если юная леди будет строптивой. — Вы должны взять с собой наложницу.

Оберон понимающе кивнул.

— Вы удивитесь, миледи Элиза, но я не собираюсь с вами спать, — произнес он. Элиза вздрогнула всем телом, посмотрела на Оберона так, словно он ее ударил. — Я не беру женщин против их воли и не использую чужую беду в гнусных целях. Чем быстрее вы в это поверите, тем будет лучше.

Элиза поднялась. Медленно прошла к окну, сняла проклятый горшок со сладостистом и поставила его на пол.

— Почему? — негромко спросила она. — Триста тысяч золотых крон — это огромные деньги. Никто не отдаст их просто так, незнакомке. Особенно если я оборотень, а вы охотник на оборотней.

— И мне полагается вас душить просто потому, что вы живете на свете. — Оберон тоже поднялся, подошел к Элизе и мягко, по-дружески сжал ее руку. Она вздрогнула, опустила голову, но руку не отняла. — Бросьте, Элиза! Я хочу вам помочь. Просто потому, что могу. Потому, что однажды дал клятву защищать несчастных. Потому, что мне вас искренне жаль, в конце концов.

— Я... — Элиза провела ладонью по лицу и наконец-то посмотрела Оберону в глаза. — Я этого не ожидала, милорд. Это...

— Сладостист видел не только я, — произнес Оберон. — Вся столица сейчас говорит о том, что дочь генерала Леклера стала шлюхой. Если вы останетесь в городе, то это мнение станет крепнуть с каждым днем.

— А если я уеду, то все обо всем забудут, — промолвила Элиза. Оберон кивнул.

— Верно. Ну что, лисичка, переставайте плакать. Собирайте вещи, завтра нас ждет поезд и дорога в академию. И вот еще что.

Элиза напряглась — от нее так и брызнуло рыжими искрами страха.

— Я вымотался и засыпаю на ходу, — признался Оберон. — Устройте меня в вашей гостевой?

Губы девушки дрогнули в улыбке.

— Разумеется, милорд, — ответила она. — Это ведь теперь ваш дом.

* * *

Ей никогда не было так плохо, как в тот момент, когда горшок со слаголистом встал на подоконник, — и еще никогда в жизни Элиза не испытывала настолько глубокого облегчения, когда сняла его.

Это было освобождением и надеждой. Рядом с этим даже необходимость отправиться с Ренаром в академию казалась Элизе пустяком. Она, конечно, понятия не имела, что будет там делать, но глубинное оборотническое чутье подсказывало, что обязательно найдет себе занятие.

Все будет хорошо. Она никогда не сидела у окошка, сложа руки и мечтая о принце. И отцу это нравилось: он разрешил ей получить то образование, которое потрясло всех знакомых, — Элиза, которая с детства знала несколько иностранных языков, прошла курсы переводчиков при столичной академии. Знакомые кумушки недоумевали, а Элиза радовалась.

Учеба казалась ей дорогой в новый мир. Учеба спасла ее после смерти отца, когда Элиза бросилась искать работу, чтобы хоть как-то выкарабкаться, — она нашла место переводчицы в журнале гораздо быстрее, чем ожидали все ее знакомые. Теперь Элиза жалела лишь об одном: что не стала работать раньше, когда отец еще был жив. У нее было бы больше опыта и личных денег.

Ренаром занялась домоправительница: госпожа Анжени, разумеется, подслушивала их беседу и теперь смотрела на спасителя и избавителя с искренней признательностью. Когда Элиза позвонила в колокольчик, она вошла в гостиную, поклонилась новому хозяину дома и предложила легкий ужин и сигару. Декан отказался. Быстрым шагом идя к лестнице, Элиза услышала, как он говорит:

— Благодарю вас, но нет. Только спать, я страшно вымотался.

— Понимаю, милорд, — госпожа Анжени чопорно кивнула седой головой, как всегда кивала, когда с ней говорил отец. — Тогда прошу вас, гостевая комната на первом этаже.

На мгновение Элизе стало страшно. Ренар мог и обмануть ее. Прикинулся понимающим добрячком — а ночью придет в ее спальню и перережет горло серебряным ножом. Ведь с оборотнями положено поступать именно так — особенно тому человеку, который посвятил свою жизнь войне с порождениями тьмы.

Элиза сказала себе, что он давно убил бы ее, если бы действительно хотел убить.

Скользнув в свою спальню, Элиза привалилась к закрытой двери и дотронулась до ноги там, где еще пульсировал огненный отпечаток чужой ладони. Ей казалось, что рука Ренара все еще там, и это ощущение делало Элизу маленькой и слабой. Ноги подкашивались, а в ушах поднимался и нарастал звон.

Ставя сластолист на подоконник, Элиза понимала, на что идет. В доме появится человек, ко-

торый делает ее своей вещью, — сначала мысль об этом пугала Элизу, но потом она поняла, что здесь, собственно, нет ничего нового. Сначала девушка была собственностью отца и матери, а потом мужа, которого для нее выберут по должности и недрам кошелька. А любовь и чувства пусть остаются в романах. Элиза прекрасно понимала, что написанное в книгах очень редко имеет отношение к настоящей жизни.

И Ренар дотронулся до нее, потому что имел на это все права.

Не чувствуя под собой пола, Элиза прошла к кровати и упала на покрывало. Прикосновение Ренара пробудило в ней что-то далекое, древнее, спавшее глубоко-глубоко. Элиза иногда ловила оттенки этого ощущения и удивлялась тому, насколько оно было сладким и влекущим.

Может, именно его и заковывают в оборотнях, не давая им превращаться в зверей и терять рассудок?

Интересно, будет ли у нее своя комната в академии? Или все-таки ей предстоит жить с Ренаром, делить с ним ложе и понимать, что она не жена, не порядочная женщина, а простая шлюха, которую он купил...

Элизе стало грустно. Она села на кровати, сняла туфли и подумала: что ж, Ренар хотя бы не промотает ее приданое — нечего тут проматывать.

Что, если взять в академию те переводы, которые она получила у редактора? Элиза может быть вещью господина декана, но у нее хотя бы будут собственные деньги. Не станет же он отнимать

эти скудные крохи? Элиза представила, сколько ей придется работать, чтобы купить хотя бы комнату, и это было настолько тоскливо, что она невольно всхлипнула.

«Как вы вообще собирались продавать себя, с такими-то нервами?» — внутренний голос прозвучал в ее голове с насмешливыми интонациями Ренара. Элиза переделалась и, глядя на свое платье, подумала, что сожжет его. Этот Ренар — дрянь, которая хочет казаться добрячком и защитником слабых. Заставил ее раздеться и облапал вместо того, чтобы сказать: «Элиза, мне кажется, вы оборотень, и я просто должен в этом убедиться».

Но нет! Ему надо было показать свою власть. И страх Элизы пришелся ему по душе.

Элиза свернулась калачиком под одеялом и сделала несколько глубоких и медленных вдохов и выдохов, стараясь успокоиться. Сейчас Ренар мог бы быть с ней в этой постели — а он сказал, что не берет женщин против воли. Возможно, ему стоит верить. Элиза подумала, что у нее просто нет другого выхода.

Этот человек выплатит долги ее отца. Он позаботился о ее чести, хотя мог бы не делать этого. Как минимум следует быть благодарной.

Элиза всегда была честной с собой — и признала, что Ренар ей понравился. В нем было что-то очень спокойное и надежное, и это одновременно пугало и радовало.

В шкафу едва слышно зашелестело, словно кто-то маленький пробирался среди платьев. Элиза села, прислушалась: вроде бы никого. Может, мышь

в стене? Хотя в доме никогда не было мышей, Элиза знала, что рано или поздно они появятся.

Тишина. Дом постепенно погружался в сон. Слуги заканчивали дела и расходились по своим комнатам, Ренар, должно быть, уже видел третий сон. Когда Элиза окончательно решила, что ей показалось, шелест послышался снова.

Нет, это не мышь. Это было что-то намного крупнее мыши.

Элиза бесшумно поднялась с кровати и, шагнув к туалетному столику, взяла бутылку ароматической воды для умывания. Если что — плеснет душистой жидкостью или ударит чудовище по голове.

«Там никого нет», — сказала себе Элиза, и в этот миг дверь шкафа тихонько отворилась. На ковер упала густая тень, заклубилась, обретая очертания.

Элиза всмотрелась в то, что вышло к ней из тьмы, и закричала.

* * *

Услышав сквозь сон девичий вопль, Оберон слетел с кровати и бросился из комнаты, подхватив с собой лишь маленький кинжал, с которым никогда не расставался. Дом был темен и тих, слуги совсем недавно отправились спать, и сейчас Оберон слышал, как в особняке начинается возня. Люди вскакивали с кроватей и высовывались из комнат, пытаясь понять, что случилось.

Он взлетел по лестнице на второй этаж, и крик повторился. Элиза кричала так, словно ее убивают — и это так и было. Практически выбив дверь ее

спальни, Оберон почувствовал тяжкий дух сгибельника — вонь мертвечины, прибывавшую к земле.

Потом Оберон его увидел и отчетливо выругался. Если обычно сгибельников делают из носовых платков, то этого скрутили из грязной простыни с кровавыми пятнами. На ней кого-то изнасиловали, или убили, или сделали и то и другое — Оберон чувствовал, как от ткани веет смертью и предсмертной мукой. Сгибельник танцевал и вертелся на ковре, и под его тряпочными руками и ногами билось девичье тело.

«Хреново», — подумал Оберон. Тело сработало само, швырнув в сгибельника огненный шар заклинания, которое должно было отбросить тряпье в сторону и спасти Элизу. Ткань простыни задымилась, задержалась, сгибельник издал болезненный стон и стал закручиваться еще быстрее. Оберону послышался хруст.

Девушка уже не кричала. Сгибельник лишил ее воздуха, и она потеряла сознание.

У Оберона было меньше минуты. Хуже всего было то, что он не мог бросить более мощные заклинания, не задев Элизу.

Кому вообще понадобилось насылать на нее настолько заковыристую дрянь? Кому успела так навредить эта несчастная девчонка, кому она вообще была нужна?

«Возможно, тому, кто убил ее отца», — подумал Оберон и закрыл глаза.

В голове зацокала секундная стрелка на невидимых часах. Заклинание Отторжения было древним и запретным, Оберон прибегал к нему лишь

в исключительных случаях и потом расплачивался несколькими днями слабости и тошноты, но только оно могло бы спасти девушку.

Сейчас снова был исключительный случай. Оберон сделал глубокий вдох и швырнул заклинание в сгибельника.

Особняк сотрясло ревом умирающего чудовища. Тот, кто создавал сгибельника и запускал его в дом Элизы Леклер, знал толк в черной магии и порождениях тьмы. Оберон не успел об этом подумать: его ударило в грудь, швырнуло в сторону и приложило головой о столбик кровати.

Рот наполнился кровью. Издалека доносились взволнованные крики, ругань, плач, потянуло горелым, и Оберон вздохнул с облегчением. Со сгибельником было покончено.

Он открыл глаза и увидел, как слуги поднимают Элизу и кладут на кровать. Девушка была жива — без сознания, но жива. Домоправительница хлопотала рядом, бросая на Оберона очень выразительные взгляды.

«Да, спасителю юной красавицы не полагается быть в исподнем», — подумал Оберон, попробовал подняться с пола и предсказуемо не смог этого сделать. Тошнотворная слабость обняла его и заставила обмякнуть на ковре.

От сгибельника остался лишь ком грязного тряпья размером с кулак. Он больше никому не мог причинить вреда. Оберон дунул в его сторону, и сгибельник рассыпался пеплом.

— Милорд? — один из слуг бросился к Оберону, помог ему подняться, и Оберон невольно обрадо-

вался тому, что ничего не ел, такой вязкой и могущественной была тошнота. Он весь покрылся ледяным липким потом, ковер под босыми ногами заскользил куда-то в сторону.

— Немедленно.. — прошептал Оберон, глядя, как Элиза открывает глаза, и домоправительница гладит ее по руке, не сдерживая слез. — Отправьте человека в Министерство магии.. Нам... нужен врач. И маг высшего уровня.

— Сию секунду, милорд! — кто-то из слуг бросился выполнять приказ. Рыжий здоровяк подошел к Оберону, поддержал, не давая распластаться на ковре. Оберон уткнулся виском в его ручищу, и слуги подхватили его и понесли из комнаты.

Они с Элизой закричали хором. Боль, пронзившая Оберона, была такой, что на мгновение вытряхнула его из жизни. Когда тьма развеялась, то ушла и тошнота со слабостью — какое-то время Оберон наблюдал за суетой, пытаясь понять, что происходит, а затем хриплым шепотом приказал:

— Назад, назад!

Слуги проворно внесли его в комнату Элизы. Девушка уже успела прийти в себя, она плакала от боли, прижимая руки к груди, и Оберон удивленно обнаружил, что чем ближе они друг к другу, тем слабее становится боль.

— На кровать! — распорядился он. Домоправительница ахнула с каким-то забавным возмущением, словно уже успела забыть о сластолисте. Оберона опустили на прохладную хрустящую простыню, он сжал ледяные мокрые пальцы Элизы, и боль отступила.

Несколько мгновений он просто дышал, наслаждаясь тем, что жив. Рядом тихо дышала Элиза, и ее пальцы постепенно наполнялись теплом. Боль выпускала девушку из объятий.

— В министерство уже послали? — спросил Оберон.

— Да, м'лорд! — отрапортовал один из слуг. — Жан убежал только что!

— Что случилось, милорд? — с искренней болью и трепетом спросила домоправительница. — Что это было?

Кажется, только сейчас она окончательно поняла, что Элиза могла умереть этой ночью — страшной мучительной смертью в тряпочных объятиях порождения тьмы.

— Кто-то отправил сюда сгибельника, чтобы убить миледи Леклер, — ответил Оберон. Волосы Элизы рассыпались по подушке, завились влажными темными кольцами. От них мягко веяло зеленым яблоком — таким живым, свежим запахом. — Откройте окно, дышать нечем.

Оберон закрыл глаза. Услышал, как стукнула оконная рама, и в комнату ворвался ночной воздух — прохладный, уже осенний. Сразу же стало легче дышать.

— Убить меня? — прошелестел голос Элизы. — Бог с вами! Кому я нужна?

Оберон улыбнулся.

— Ненужным людям не подсылают такую дрянь, — произнес он и приказал: — Оставьте нас.

Слуги послушно вышли из комнаты и столпились в коридоре. Последней комнату покинула до-

моправительница, смотревшая на Оберона с ужасом и надеждой.

Какое-то время они лежали молча. Потом девичьи пальцы дрогнули в Обероновой руке, и он услышал едва уловимый шепот:

— Это было... ужасно. Он выскочил на меня из шкафа, я... Я ничего не успела сделать.

Что-то запульсировало в груди. Кажется, Оберон понимал, что это, — и ему хотелось выругаться, да погрязнее, чтобы выплеснуть из себя нарастающую горькую досаду.

— Вы успели закричать, — сказал Оберон. — Как ваша боль в груди?

Элиза удивленно повернула голову в его сторону и тотчас же смущенно отвернулась. Должно быть, тоже считала, что спаситель прекрасной леди не должен лежать в кальсонах.

— Откуда вы знаете? — спросила она. Оберон усмехнулся.

— Потому что у меня тоже болит. Нас сковало заклинанием, Элиза. Простите.

* * *

— Да, это именно Двойная цепь. Я такую видел в юности. Редкостная мерзость!

Из всего огромного количества магов и врачей министерства в дом Леклер смогли прийти как раз те, кого Оберон искренне терпеть не мог: Шато, который к сорока годам так и был ассистентом врача, и Вернетт — старый, цепкий и опытный волшебник, который считал Оберона

дерзким и наглым выскочкой и никогда не скрывал своего отношения. Оберон отвечал ему взаимностью, и его назначение на должность декана окончательно разорвало любую возможность мирных отношений.

— Да, — согласился Шато. — Именно она. Неизбежное зло, скажем так. Лучше уж Двойная цепь, чем двойные похороны.

Оберон был с ним полностью согласен. Элиза пряталась под одеялом и едва слышно всхлипывала. Присутствие незнакомцев в ее спальне причиняло ей почти физическую боль — к тому же взгляды этих незнакомцев были очень красноречивыми. Вернетт снова навел на Оберона проявляющее стекло в золотой оправе, и, почувствовав легкий укол в висок, Оберон в очередной раз подавил в себе жгучее чувство стыда.

Лежать перед этими коновалами вот так, без штанов, мухой под микроскопом, было на удивление мучительно. Он вполне разделял чувства Элизы.

— И каковы ваши прогнозы, господин Вернетт? — хмуро поинтересовался Оберон. Они могли не любить друг друга, но свою работу Вернетт всегда делал до конца и самым лучшим образом. Ему можно было верить.

— Она обязательно растянется и ослабеет, — ответил Вернетт и протянул Шато свое стекло: — Взгляните, друг мой! Колечки — хоть сейчас в учебник. Да, она исчезнет через три недели, максимум через месяц. Такое случается, главное, что вы оба живы. Завтра сможете выйти из комнаты поодиночке, вот...

Он запустил пальцы в поясную сумку и извлек несколько пузырьков с золотистым содержимым.

— Три капли на стакан вам и миледи Элизе. Постепенно сможете отходить все дальше друг от друга, хотя ночевать все-таки придется вместе. Да и вообще советую особо не отдаляться друг от друга. Чем вы ближе, тем лучше ваши магические поля сладят с этой проблемой. А потом не будет побочных гадостей вроде тошноты или склонности к легочному жабсу. — В глазах Вернетта поплыли отвратительные масляные огоньки, когда он упомянул о воспалении легких, и он с улыбкой заметил: — Впрочем, не думаю, что это причинит вам какие-то неудобства.

Элиза снова всхлипнула. Оберон с трудом сдержал желание подняться, сгрести в охапку этого тощего хмыря Вернетта и посоветовать ему ухмыляться так где-нибудь в другом месте. В груди снова заныло, и он спросил:

— Может, есть еще что-то по делу? Советы, рекомендации?

Вернетт и Шато ухмыльнулись одинаково цинично.

— Думаю, вы достаточно опытны, друг мой, чтобы обойтись без моих рекомендаций во время сна с юной прелестницей, — заметил Вернетт, и Шато закивал.

— Джентльмены не ведут себя так, как вы! — гневно воскликнула Элиза из-под одеяла. Вернетт снова ослабил.

— Так и вы уже не очень-то благородная дама, моя дорогая, — произнес он. — Вся столица виде-

ла сластолист на вашем окошке. Я хотел зайти, да понял, что денег не хватит.

Элиза шевельнулась под одеялом, пытаясь встать; Оберон придержал ее и, сев в кровати, осведомился, не сводя пронизывающего взгляда с Вернетта:

— Что выбираете, шпаги или пистолет? Я отлично работаю и тем, и другим. Да вы, впрочем, в курсе.

Вернетт побледнел и даже сделал шаг назад, словно подумал, что Оберон бросится на него прямо сейчас. Шато, который мгновение назад похихикивал в стороне — ну а что ему не хихикать, людей всегда забавляет позор и падение ближних, — умолк и предусмотрительно отступил к дверям.

— Будет вам, друг мой, какие между нами могут быть дуэли? — примирительно заговорил Вернетт. — Приношу свои извинения вам обоим.

Он выставил свои пузырьки на прикроватный столик Элизы и посоветовал:

— Постарайтесь уснуть. Во сне магические процессы ускоряются, так что уже утром вам станет легче.

— Сгинь, — прошипел Оберон, и Вернетт с Шато выскочили за двери так проворно, словно им наподдали знатного пинка.

Из-под одеяла донесся плач. Оберон вздохнул, откинул одеяло и дотронулся до плеча Элизы — белого, влажного, ледяного. Она вся сейчас была как статуя.

— Вот поэтому надо поехать со мной в академию, — негромко сказал Оберон. — Там никто не скажет вам ни единого дурного слова.

Элиза не ответила. Просто плакала, слепо глядя куда-то в сторону. Оберона кольнуло жалостью. Несчастливая растрепанная девчонка, которая никому не сделала ничего плохого, которая переступила через себя, чтобы спастись.

Видимо, ей лучше было бы умереть от голода где-нибудь на чердаке. Тогда все были бы ею довольны. Пусть умерла, зато порядочная.

Оберон погладил девушку по плечу — дьявольщина, он представления не имел, как утешать плачущих барышень! Она снова всхлипнула, но не отстранилась.

— Элиза, — окликнул Оберон. — Не плачьте. Все будет хорошо, я вам обещаю. Ну правда же! Приедем в академию, начнется учебный год. Я вас устрою ассистенткой на кафедру, Ламер постоянно требует помощника...

— Я ничего не умею, — едва слышно откликнулась Элиза. — Только переводы.

Оберон улыбнулся.

— Вы же сможете взять коробку со стула и поставить на стол, правда? — спросил он. — А большего там и не требуется. Ну не плачьте, Элиза. Пожалуйста.

Да, Оберон мог бежать по болоту за скелетами гнилых гончих, мог выцепить призрака из зазеркалья, мог подняться в небо за туманными змеями, но вот в утешении плачущих девушек он был полным профаном. Элиза снова всхлипнула, провела по лицу ладонью и сказала:

— Вы спасли мне жизнь, милорд... Спасибо вам. Оберон усмехнулся.

— Право же, я не сделал ничего особенного, — ответил он. Элиза шмыгнула носом, села в кровати, стараясь не смотреть в его сторону.

— Неужели кто-то хочет меня убить? — спросила она. — Это невозможно.

— Сгибельники не появляются просто так, ниоткуда, — ответил Оберон, с омерзением вспоминая грязную простыню с кровавыми пятнами. — Сделать их может только маг, и это требует значительных усилий. Скажите, Элиза... ваш отец любил вас?

Элиза посмотрела на него так, словно искала в его словах какой-то грязный намек. Конечно, за этот месяц она чего только не услышала о своем отце — и теперь готова была броситься в бой.

— Да, — ответила она с вызовом. — Да, он любил меня.

Оберон кивнул. Подумал, что во всей этой ситуации есть что-то книжное. Такое могло бы случиться только в романе: мужчина и девушка связаны заклинанием и не могут расстаться.

Какая пошлость, господи боже ты мой.

— Я сегодня думал об этом, — спокойно произнес Оберон. — Он любил вас, заботился, дал образование. Вы были для него не просто ресурсом. Уж поверьте, я знаю, как ведут себя отцы. У меня четыре сестры. Дочь надо выгодно выдать замуж, больше она ни для чего не нужна.

Элиза нахмурилась. Кивнула.

— Да. Да, все так.

— Он не оставил бы вас расхлебывать свои грехи, — уверенно сказал Оберон. — Да, генерал был

разорен, но он нашел бы выход и не свалил все на плечи дочери. Любимой дочери! — Оберон сделал паузу и добавил: — Я готов поклясться, что вашего отца убили. И это сделал именно тот, кто сегодня послал к вам сгибельника.

До этого он не спешил. То ли копил силы, то ли просто наслаждался тем, как Элиза барахтается, пытаюсь выбраться из того болота, в которое превратилась ее жизнь. Но потом Элиза выставила сластолист на окно, и ее враг понял, что нужно спешить.

Птичка могла выпорхнуть из клетки. Она почти выпорхнула.

— Господи... — прошептала Элиза. Посмотрела на Оберона темным испуганным взглядом. — Не верится...

— Это еще одна причина для поездки в академию. — Оберон ободряюще улыбнулся и мягко сжал ее руку. — Я знаю там всех. Любой новый человек неминуемо вызовет вопросы. Вы там будете в безопасности, Элиза.

Тонкие пальцы дрогнули в его руке. Элиза улыбнулась в ответ — едва-едва, но все же улыбнулась.

— Спасибо вам, — промолвила она. — Я очень вам благодарна... Оберон.

— Попробуйте уснуть, — доброжелательно посоветовал Оберон. — Завтра все будет по-другому.

Густая тьма в большом зеркале на стене обрела насыщенную синеву, и что-то шевельнулось в ее глубине. «Ты уже это обещал, — услышал Оберон далекий ледяной шелест. — Однажды ты уже говорил, что спасешь и защитишь».

Зеркало дрогнуло. Покрылось изнутри морозным узором, побежало ледяными трещинами.

«И ты обманул, — рассмеялась тьма. — И сейчас ты тоже обманешь».

* * *

Элиза была уверена, что не сможет заснуть. Слишком многое случилось с ней за день — нервы звенели, как натянутые струнки, и от мыслей начинала болеть голова. Но после того, как госпожа Анжени подала ей стакан воды с каплями, Элизе стало легче. Намного легче.

— Поспите, — повторил Оберон. Он лежал на краю кровати так, чтобы не дотрагиваться до Элизы, и она с каким-то смешанным чувством подумала, что теперь ей придется спать с ним в одной постели.

Это не пугало. Это было странным и непривычным, только и всего. Элиза думала, что после смрадных объятий сгибельника, которые вытряхивали из нее жизнь, ее уже ничего не напугает.

— Попробую, — вздохнула Элиза, свернувшись калачиком под одеялом. Отец всегда говорил, что надо быть честной с людьми и собой, и сейчас она признала, что этот человек ей нравится. То, каким тоном он заговорил о дуэли, осадив этих хамов из Министерства магии с гадкими улыбочками, не могло не вызывать уважения.

— Вы два раза спасли мою честь, — негромко сказала Элиза. — И один раз мою жизнь.

Оберон негромко рассмеялся.

— Я не сделал ничего особенного, уж поверьте. Любой порядочный человек поступил бы так на моем месте.

Теперь уже Элиза рассмеялась.

— Нет... Все наши знакомые знали, в каком я положении. Никто не помог. Кому нужна дочь мертвеца, который больше ничем не поможет, не даст денег, не пристроит сына на хорошее место. — Элизе сделалось так горько, что голос оборвался, и она закончила шепотом: — А Морис вообще расторг нашу помолвку...

Выставляя слайст на подоконник, она вдруг подумала, что Морис увидит цветок, придет и все исправит. В конце концов, так ведь положено поступать джентльменам?

Но Морис не пришел. Зачем ему бесприданница с проблемами? Он блестящий молодой человек из очень достойной семьи, и у него никогда не будет проблем с выбором невесты.

Несмотря на горечь, в этом разговоре все равно было что-то умиротворяющее. Огонек в лампе медленно гас, давно наступила ночь — густая, темная, уже осенняя. Скоро зарядят дожди, смоят краску с листьев, а потом пойдет снег.

Элизе сделалось тоскливо.

Зачем вообще рассказывать о своих бедах? О расторгнутой помолвке? Впрочем, о чем еще можно говорить в такой ситуации, особенно с человеком, к которому она теперь привязана заклинанием.

— Да и дьявол с ним, с этим вашим Морисом, — заметил Оберон. — Зачем нужен мужчина, который убегает при первой же проблеме?

Элиза не знала. Девушке положено выходить замуж, быть женой и матерью. Так принято. Муж, конечно, может проиграть в карты приданое своей жены, может ходить к шлюхам, может даже бить — но без него ты все равно не человек. Так, недоразумение.

— Вы ведь не убегаете, — сказала Элиза. Оберон усмехнулся.

— Нет. Я дерусь.

— У вас есть жена? — спросила Элиза и сразу же пожалела об этом. Стал бы Оберон заходить в дом со сладостями на окне, если бы был женат?

Может, и стал бы. Элиза давно убедилась в том, что благородные люди и поступки есть только в книгах. А в жизни бывает по-разному.

— Нет, — ответил Оберон, и Элизе почему-то показалось, что он смущен.

— Кто мог желать смерти моему отцу? — задумчиво спросила она. — Он был хорошим человеком. У него не было врагов. Все его любили.

Оберон усмехнулся.

— Обычно у хороших людей намного больше врагов, чем можно предположить, — произнес он. — И любят их, пока они могут принести выгоду. Вашего отца убили. Опозорили. Довели вас до отчаяния, а потом натравили сгибельника. Вашу семью ненавидят, Элиза.

Он шевельнулся, устраиваясь поудобнее. Элиза вдруг подумала, что сейчас он снова возьмет ее за руку — но он не взял, и ей почему-то стало легче.

— Я рада, что вы здесь, — призналась Элиза. — Правда рада.

Оберон негромко рассмеялся.

— Вы милая, — сказал он. Лампа погасла, и во тьме Элиза не видела его лица, но чувствовала, что он улыбается. — Честно говоря, я не думал, что вы вот так взяли и пошли работать. Любая другая барышня давно бы выставила сластолист. Простой и легкий способ.

Глаза снова защипало. Ставя горшок на подоконник, Элиза переступала через себя. Зачеркивала всю свою жизнь. Выбрасывала прочь свои мечты и надежды, почти видела, как они летят по мостовой опавшими листьями.

— Я думала, что выйду замуж, — промолвила она. — Что буду жить тихо и спокойно, переводить сонеты Кефелли... А оказалось... вот так. И зарабатывать я ничего не смогла. Меня ведь не учили работать.

— Вы еще выйдете замуж, — с непробиваемо спокойной уверенностью сказал Оберон. — Все еще будет, Элиза, можете мне поверить. В таких вещах я никогда не ошибаюсь.

Теперь уже Элиза рассмеялась. Тихий ночной разговор сворачивал в совершенно непредсказуемую область.

— За кого? — с нескрываемой горечью спросила она. — Вся столица видела сластолист. А эти господа из министерства расскажут всем и каждому, что мы спим в одной постели. — Лицо стало жечь, и Элиза поняла, что готова расплакаться. Интересная штука жизнь, в ней можно пасть, не утратив достоинства. И можно быть невинной девушкой и при этом считаться порочной.

Все эти дни она готовила себя к тому, что потеряет. И так и не смогла до конца вооружиться здоровым смыслом и успокоиться. Вроде бы ей удавалось смириться — но потом все обрывалось, и Элиза снова чувствовала себя маленькой, несчастной, растоптанной.

— Да хоть бы и за меня, — с прежним спокойствием ответил Оберон. — Человек я обеспеченный, со стабильным положением. Смелый, опять же. И добрый. Ничем и никогда вас не обижу.

Элиза снова поняла, что он улыбается, но не шутит. Похоже, он вообще очень редко шутил — род занятий обязывал. «Соглашайся! — заорал внутренний голос. — Не в твоём положении ломаться и перебирать такими предложениями!»

— Вы не шутите? — спросила она. — Не говорите так, чтобы меня подбодрить?

— Я совершенно серьезен, — произнес Оберон.

— Это как в романе, — вздохнула Элиза. — Герой пришел и спас девушку в беде.

— Вы так говорите, словно это плохо. — Теплые сухие пальцы дотронулись до ее руки, мягко сжали, и у Элизы снова зазвенело в груди. Это была не боль, которая пронзила ее, как булавка бабочку, когда слуги понесли Оберона из комнаты. Это было нечто похожее на осеннюю тоску, когда понимаешь, что впереди нет ничего, кроме зимы.

— Это неожиданно, — призналась Элиза. — Оберон... не поймите меня неправильно. Но пусть это будет чуть позже. Мне надо привыкнуть ко всему, что случилось. Да и вам лучше слушать разум, а не порыв доброго сердца.

— Почему же не порыв? — с прежней улыбкой поинтересовался Оберон.

— Потому что о таких порывах жалеют. А я не хочу, чтобы вы жалели о сделанном.

«Потому что это сделает несчастными нас обоих», — подумала Элиза. Могла ли она представить сегодня утром, что ночью будет спать в одной постели с мужчиной, который спасет ее от мучительной гибели?

Жизнь интереснее любого романа, это уж точно. Роман можно закрыть, если он тебе не понравился, а с жизнью так не получится.

Некоторое время они молчали. Потом Оберон еще раз сжал ее пальцы и выпустил.

— Хорошо, — сказал он. — Я повторю свое предложение позже. А пока давайте спать.

Ставя сладосты на окно, Элиза понимала, что тот, кто придет покупать, обязательно сломает ее. Но Оберон этого не делал — и этим нравился Элизе все больше и больше.

— Спокойной ночи, — прошептала она. Оберон негромко усмехнулся и повторил:

— Спокойной ночи.

Глава 2

ДОРОГА В АКАДЕМИЮ

Часы пробили семь.

Оберон открыл глаза и несколько секунд не мог понять, где находится и почему угрюмая обстановка его холостяцкой спальни вдруг превра-

тилаась в воздушную девичью горницу с розовыми букетами, зеркалами и кремовыми обоями.

Потом он вспомнил.

Элиза едва слышно вздохнула во сне. Какое-то время Оберон смотрел на нее — кожа, кремово-жемчужная в утреннем свете, темные завитки кудрявых волос, рассыпанные по подушке, тонкий абрис плеча и руки — и чувство, которое наполняло его, было давним и забытым.

Надо ли оживлять его? Надо ли надеяться?

Усилием воли Оберон отогнал ненужные размышления, вернувшись в привычное спокойное расположение духа. Вчера он поступил правильно, в очередной раз доказав верность давней клятве защищать людей от порождений тьмы. В старые времена охотник на оборотней просто стоял и смотрел бы, как сгибельник делает его работу — и Оберон обрадовался, что времена изменились.

Запах, что поднимался от волос и кожи Элизы, был легким и свежим. Оберон прикрыл глаза, усмехнулся. Он просто дышал, и сердце начинало биться быстрее, и волосы шевелились, и что-то стучало в висках: возьми ее. Присвой. Она и так твоя. Ведь победитель чудовищ имеет право на награду — так возьми ее сейчас: теплую, спящую, живую.

Пусть она станет твоей, ты заслужил это. Неужели ты не хочешь счастья? Пусть даже такого, отравленного?

Оберон машинально дотронулся до груди, бесшумно поднялся с кровати и двинулся в сторону белой двери в ванную. Стоило ему дотронуться до

ручки, как в груди заныло, задергало, и Элиза села в кровати, разбуженная болью.

— Что вы здесь делаете? — испуганно спросила она, словно не поняла, откуда Оберон тут взялся. Потом Элиза провела ладонями по лицу и вспомнила все, что случилось вчера. — Ах да... Доброе утро, Оберон.

Оберон сделал шаг назад, и боль унялась. Судя по румянцу, который зарозовел на щеках девушки, ей тоже стало легче.

— Доброе утро, Элиза, — ободряюще улыбнулся Оберон. — Как вы?

Сонная мягкость утекала из девичьих черт. Элиза дотронулась до груди под яремной ямкой, и в ее лице появилось нечто похожее на интерес исследователя.

— Между нами примерно десять шагов, — сказала она и, усмехнувшись, добавила: — Слава богу, мы можем...

Оберон кивнул. Справлять нужду на глазах у девушки — это было бы невыносимо, и Элиза вполне разделяла его чувства.

— Сделаете эти десять шагов? — спросил он, и Элиза кивнула и выскользнула из-под одеяла. Вот ситуация, о которой они лет через пятнадцать будут говорить со смехом. «Представляете, мы были вынуждены спать в одной постели из-за заклинания! Хорошо, хоть в уборную ходили по отдельности».

Сейчас было не смешно. Оберон — посторонний человек, и если вчера она испытывала благодарность за свое спасение, то сегодня в ней пробудились растерянность и неловкость.

Да и с чего он вообще решил, что у них будет что-то общее через эти пятнадцать лет?

Взяв со стула платье и чулки, Элиза подошла к нему, Оберон открыл перед ней дверь и произнес:

— Десять шагов. Помните.

— Я помню, — кивнула Элиза и нырнула в ванную. Оберон закрыл дверь и устало привалился к стене.

У судьбы дурное чувство юмора. Если уж ей так хотелось, чтобы Оберон завел с кем-то отношения, все же не следовало пришивать его к девушке заклиниванием. Из ванны послышался плеск воды, негромкое пение, и все это было таким спокойным и домашним, что Оберон невольно напрягся.

Незнакомые или забытые чувства приводили его в некоторое замешательство. Он прикрыл глаза, падая в прошлое, в солнечное летнее утро, где Женевьев выскальзывала из пенной ванны, как богиня, и весь мир был открыт перед ними и их любовью.

Когда-то он был счастлив. А потом сам все закончил — потому что другого выхода у него не было.

Кто на его месте поступил бы иначе? Какой безумец?

«Ты обещал, — шевельнулась тьма в зеркале. — И ты снова обманешь».

— Шел бы ты... — посоветовал Оберон. — Большими шагами и не оглядываясь. Понял?

Тьма рассмеялась. Она знала Оберона лучше, чем он знал себя.

«Лже-ец, — протянула тьма, рассыпалась шелестящим смехом, похожим на зимний ветер над мо-

гилами. — Лжец, который прикрывает свою ложь давними клятвами».

Плеск воды оборвался. Через несколько минут Элиза, умытая, причесанная, полностью одетая, вышла из ванной и спросила:

— Кто-то заглядывал? Вы с кем-то говорили.

Оберон улыбнулся, и тьма в зеркале рассеялась.

— Сам с собой, — ответил он. — Давняя привычка, которую я никак не могу побороть.

Элиза сделала шаг в сторону, давая ему дорогу.

— Десять шагов, — сказала она. — Я помню.

Когда они вышли из комнаты и направились в столовую, откуда уже веяло аппетитным запахом омлета с беконом и грибами, то Оберон не удержался и заметил:

— Такое чувство, Элиза, что мы все-таки женаты.

Элиза хмуро посмотрела на него и сказала:

— Давайте не будем об этом. Потому что у меня чувство, будто мы два каторжника в колодках.

— Вижу, вы окончательно освоились в моем обществе, — улыбнулся Оберон. — Не бойтесь говорить правду. Но вообще вы думаете о моем ночном предложении. И не знаете, как к нему относиться.

— Читаете мои мысли? — предположила Элиза. Они сели за стол, слуга поставил перед Обероном тарелку с омлетом, и только теперь он понял, как сильно проголодался.

— Нет, — беспечно ответил он. — Просто знаю людей и понимаю, о чем может думать такая девушка, как вы. Мое предложение в силе, Элиза. И в нем нет подвоха, можете не бояться.

Элиза посмотрела на Оберона так, словно сомневалась в его душевном здоровье.

— Вы настойчивы, — заметила она, взяла вилку, но есть так и не начала. — Оберон... я могу говорить с вами откровенно?

В эту минуту она была невероятно мила. Хрупкая статуэтка, но эта хрупкость лишь маска, и за ней Оберону виделся сильный, несгибаемый характер.

И это было только начало ее пути. Какой станет Элиза, когда пройдет свой путь до конца?

«Она мне нравится, — признал Оберон. — Она мне по-настоящему нравится».

— Вы порядочный человек, — сказала Элиза, крутя в пальцах вилку. На щеках выступил румянец, делая девушку по-настоящему живой. Оберон вспомнил, как вчера заставил ее раздеться, и почувствовал укол стыда.

Декан факультета темной магии по определению дрянь. Когда возишься с порождениями мрака, то невольно заимствуешь у них некоторые черты. С кем поведешься, от того и наберешься, — идеально сказано. И Оберон невольно обрадовался тому, что Элиза смотрела глубже и видела лучше.

— Вы мне льстите, — привычная улыбка скользнула по губам. Оберон привык улыбаться — так было проще. Человечнее. Элиза посмотрела на него так, что он осекся, поднес палец к губам: молчу-молчу.

— Про факультет темной магии говорят, что там нет хороших людей, — продолжала Элиза. — Что там учатся убивать и получать от этого удоволь-

ствии. Но вы другой, вы... — Она отложила вилку и едва слышно промолвила: — Если бы вы были мерзавцем, то надругались бы надо мной этой ночью. Вас никто бы не остановил, вы в своем праве. Но вы этого не сделали, и я... я очень благодарна вам, Оберон.

Оберон понимающе кивнул. Она была права. Любой из его коллег не упустил бы случая и полакомился сладеньким.

А Оберон Ренар просто заснул. Потому что клятвы, которые он принес много лет назад, были для него не просто словами.

Он ведь все еще мог пойти на поводу у того, что заталкивал в глубину души. Мог бы сейчас разложить эту кудрявую девчонку на столе и взять — рваными грубыми движениями, просто ради того, чтобы успокоиться. Кажется, его взгляд изменился: Элиза вздрогнула, опустила глаза и вновь взялась за вилку.

Серебро — мягкий металл. Она не убьет и не особо сильно ранит, даже если будет очень стараться.

— Продолжайте. — Оберон вдруг поймал себя на том, что быстрыми движениями крошит хлеб на скатерть: когда-то мать ругала его за эту привычку так, что по всему дому отдавалось. — Я хороший человек. Вы мне благодарны.

— Вы смотрите на меня. Говорите со мной, — в голосе Элизы пульсировал страх и надежда. — Но вы видите не меня, а кого-то другого. И говорите — с ней. И защищаете — ее, а не меня. Оберон, я все понимаю. Я вам очень признательна. Но если ваши

намерения все же больше похоти или самолюбия, то... — Она подняла глаза от тарелки и посмотрела на Оберона так, словно пыталась прочесть его мысли. — То повторите ваше предложение тогда, когда будете видеть во мне меня, а не кого-то еще.

Несколько долгих минут они молчали, глядя друг на друга. Оберон чувствовал себя мухой, увязшей в меду.

— Я убил свою жену через три дня после свадьбы, — произнес Оберон. Признание получилось неожиданно легким и спокойным, будто он говорил о том, что выкурил сигару. Он даже подумать не мог, что однажды будет говорить о смерти Женеви́ев *вот так*. — В ней проснулись ведьминские способности, неукротимые, к сожалению. Они лишили ее разума и превратили в чудовище. Я был вынужден убить ту, которую обещал любить и защищать, — иначе она уничтожила бы не только меня, но и еще многих людей. С этим ничего нельзя было сделать.

На мгновение он увидел: нестерпимо яркое солнечное утро, смятая постель, кровавые пятна на белоснежных простынях. Лицо Женеви́ев, серое, мертвое, было запрокинуто к потолку. Пальцы сжались и разжались — Паучья ведьма умерла. Заклинание, брошенное Обероном, выжгло ей мозг.

Не из той ли простыни скрутили сгибельника для Элизы Леклер?

«Лжец», — прошелестела тьма. Вроде бы Оберон привык к ее голосу, но теперь покрылся ледяным потом.

Элиза поднесла пальцы к губам, словно хотела удержать рвущиеся слова. Глаза влажно заблестели.

— И я смотрю на вас и вижу Женеьев, — закончил Оберон. — Ту, которую клялся любить и оберегать перед алтарем, перед лицом Господа. Ту, которую потом обязан был убить. Вы правы.

— Боже мой... — прошептала Элиза. Оберон видел пульсирующие нити страха в ее ауре, но кроме страха там было еще что-то. — Боже мой, Оберон... это...

Ей не хватило слов. Она зажала рот ладонями, зажмурилась, сокрушенно покачала головой.

— Это ужасно, согласен, — кивнул Оберон, стараясь говорить с прежним спокойствием. — Самое забавное, что меня даже наградили за это. Убитая Паучья ведьма — это орден Святого Горго первой степени. Плюс деньги, его величество был очень щедр. Я согрешил, а мой грех назвали подвигом. Потому что Паучью ведьму почти невозможно уничтожить, а я вот справился. Выжиг мозги своей жене. Той, которую тогда любил больше жизни.

Ему вдруг захотелось говорить. Рассказать этой испуганной побледневшей девчонке о своих бессонных ночах, о живой тьме, что ползет за ним сквозь все зеркала мира, об осенней тоске, которая не разжимает пальцы даже в зной на макушке лета. Но Оберон прекрасно понимал, что после этого между ними может быть только холод и ночь.

Он убьет саму возможность душевного тепла и понимания. Раздавит птенца в яйце.

Элиза убрала салфетку с коленей и встала. Помедлила, закусив губу, а потом протянула Оберону руку.

Это было настолько неожиданно, что он послушно поднялся из-за стола и не сразу понял, что Элиза обняла его. На мгновение боль в груди ожила и растаяла; Оберон сжал зубы, чтобы унять нервную дрожь.

— Мне так жаль, Оберон, — услышал он. — Мне правда очень-очень жаль. Это страшный выбор и страшная ноша. Но... но если ваша жена стала Паучьей ведьмой, то это была уже не та женщина, которую вы полюбили. Ваша Женевьев умерла раньше. Мне очень жаль, Оберон.

Оберону захотелось рассмеяться — и завывать.

— Жалеееете меня? — спросил он. Элиза была такой тоненькой и легкой, что он испугался — не сломать бы неловким прикосновением — и все же обнял, нырнул лицом в каштановые кудри и вдруг почувствовал себя живым.

В этот миг прошлое не имело над ним власти. Ничего не было — только эта девочка в его объятиях, которая открыла свою душу и приняла его.

— Нет, — услышал Оберон. — Вам не нужна моя жалость. Я просто разделяю вашу боль.

Где-то далеко рассмеялась тьма в зеркалах: тихо, почти неслышно.

* * *

Вещей оказалось неожиданно много. Элиза собиралась взять только самое необходимое, но этого необходимого было столько, что набралось уже три чемодана. Оберон сидел на стуле, смотрел, как служанки со всеми осторожностями упаковыва-

ют пушистую песцовую шубу — ну а как же без нее зимой на севере, и Элиза бросала осторожные взгляды в его сторону, делала вид, что все в порядке, и понимала, что ей любой ценой нужно остаться в одиночестве.

Отец всегда говорил: сначала подумай, а потом говори и делай — и Элиза видела, что поступила правильно, когда обняла Оберона в столовой, спрятав свой страх под сочувствием. Но сейчас ей становилось все хуже.

В ее душе что-то звенело и рвалось. Элиза уже знала это чувство — оно нахлынуло на нее сразу же после того, как из кабинета отца донесся выстрел.

Оно будто бы надрывало ткань ее жизни.

Элиза прекрасно понимала: у человека, который занимает пост декана факультета темной магии, руки в крови не то что по локоть — по плечи. Он охотился и убивал: ведьмы, оборотни, златеницы, двоедушники, среброеды — да, чудовища, но они были и людьми. И он сделал то, что должен был сделать, когда понял, что его жена — Паучья ведьма.

Она принесла бы много боли и горя другим людям. И Элизе страшно было представлять, что творилось в душе Оберона, когда он нанес удар.

Он ведь любил свою жену, он не притворялся, рассказывая о своем чувстве. О нелюбимых не говорят с таким взглядом. Элизе страшно было подумать о том, что чувствует Оберон, с чем он живет каждый день.

— Миледи, а это? — спросила служанка, вынув из шкафа палантин из пашмины и шелка. Когда-то его привез отец и рассказал, что райские птицы,

которыми он расшит, обязательно принесут своей владелице счастье и любовь.

— Берите, — кивнул Оберон. — Там бывает очень холодно.

Элиза представила академию — огромный замок с бесчисленными коридорами, высокими потолками, узкими окнами — и невольно поежилась, представив, как по комнате гуляют ледяные сквозняки.

— Когда придет нотариус? — осведомилась она. Молчать было уже невежливо, но Элиза понятия не имела, о чем теперь говорить, и не чувствовала ничего, кроме неловкости.

Она прекрасно понимала, что провела эту ночь в одной постели с убийцей. Но признание Оберона задело Элизу глубже, чем она предполагала.

«Он чудовище, — подумала она и тотчас же добавила: — Он одинок и несчастен».

Оберон щелкнул крышечкой потертых часов — Элиза удивилась тому, что у настолько обеспеченного джентльмена настолько неприятные часы — и ответил:

— К полудню. Подпишем все бумаги и поедем на вокзал. Да, мне еще надо поговорить со слугами.

— Разумеется, — кивнула Элиза. — Теперь ведь это все ваше.

«Как и я», — подумала она, но не сказала об этом вслух. Оберон поднялся со стула, прошел по комнате, выглянул в окно. День был совсем осенним — серым, скучным. Моросил мелкий дождь, улицы были темны. От лета не осталось и воспоминаний.